

THREE MEN ON THE BUMMEL
(excerpt)

Years ago, when I was young and inexperienced, I hired a yacht myself. Three things had combined to lead me into this foolishness: I had had a stroke of unexpected luck; Ethelbertha had expressed a yearning for sea air; and the very next morning, in taking up casually at the club a copy of the Sportsman, I had come across the following advertisement:-

TO YACHTSMEN. – Unique Opportunity. – “Rogue,” 28-ton Yawl. – Owner, called away suddenly on business, is willing to let this superbly-fitted “greyhound of the sea” for any period short or long. Two cabins and saloon; pianette, by Woffenkoff; new copper. Terms, 10 guineas a week. – Apply Pertwee and Co., 3A Bucklersbury.

It had seemed to me like the answer to a prayer. “The new copper” did not interest me; what little washing we might want could wait, I thought. But the “pianette by Woffenkoff” sounded alluring. I pictured Ethelbertha playing in the evening – something with a chorus, in which, perhaps, the crew, with a little training, might join – while our moving home bounded, “greyhound-like,” over the silvery billows.

I took a cab and drove direct to 3A Bucklersbury. Mr. Pertwee was an unpretentious-looking gentleman, who had an unostentatious office on the third floor. He showed me a picture in water-colours of the Rogue flying before the wind. The deck was at an angle of 95 to the ocean. In the picture no human beings were represented on the deck; I suppose they had slipped off. Indeed, I do not see how anyone could have kept on, unless nailed. I pointed out this disadvantage to the agent, who, however, explained to me that the picture represented the Rogue doubling something or other on the well-known occasion of her winning the Medway Challenge Shield. Mr. Pertwee assumed that I knew all about the event, so that I did not like to ask any questions. Two specks near the frame of the picture, which at first I had taken for moths, represented, it appeared, the second and third winners in this celebrated race. A photograph of the yacht at anchor off Gravesend was less impressive, but suggested more stability. All answers to my inquiries being satisfactory, I took the thing for a fortnight. Mr. Pertwee said it was fortunate I wanted it only for a fortnight – later on I came to agree with him, – the time fitting in exactly with another hiring. Had I required it for three weeks he would have been compelled to refuse me.

The letting being thus arranged, Mr. Pertwee asked me if I had a skipper in my eye. That I had not was also fortunate – things seemed to be turning out luckily for me all round, – because Mr. Pertwee felt sure I could not do better than keep on Mr. Goyles, at present in charge – an excellent skipper, so Mr. Pertwee assured me, a man who knew the sea as a man knows his own wife, and who had never lost a life.

It was still early in the day, and the yacht was lying off Harwich. I caught the ten forty-five from Liverpool Street, and by one o’clock was talking to Mr. Goyles on deck. He was a stout man, and had a fatherly way with him. I told him my idea, which was to take the outlying Dutch islands and then creep up to Norway. He said, “Aye, aye, sir,” and appeared quite enthusiastic about the trip; said he should enjoy it himself. We came to the question of victualling, and he grew more enthusiastic. The amount of food suggested by Mr. Goyles, I confess, surprised me. Had we been living in the days of Drake and the Spanish Main, I should have feared he was arranging for something illegal. However, he laughed in his fatherly way, and assured me we were not overdoing it. Anything left the crew would divide and take home with them – it seemed this was the custom. It appeared to me that I was providing for this crew for the winter, but I did not like to appear stingy, and said no more. The amount of drink

required also surprised me. I arranged for what I thought we should need for ourselves, and then Mr. Goyles spoke up for the crew. I must say that for him, he did think of his men.

“We don’t want anything in the nature of an orgie, Mr. Goyles,” I suggested.

“Orgie!” replied Mr. Goyles; “why they’ll take that little drop in their tea.”

He explained to me that his motto was, Get good men and treat them well.

“They work better for you,” said Mr. Goyles; “and they come again.”

Personally, I didn’t feel I wanted them to come again. I was beginning to take a dislike to them before I had seen them; I regarded them as a greedy and guzzling crew. But Mr. Goyles was so cheerfully emphatic, and I was so inexperienced, that again I let him have his way. He also promised that even in this department he would see to it personally that nothing was wasted.

I also left him to engage the crew. He said he could do the thing, and would, for me, with the help two men and a boy. If he was alluding to the clearing up of the victuals and drink, I think he was making an under-estimate; but possibly he may have been speaking of the sailing of the yacht.

I called at my tailors on the way home and ordered a yachting suit, with a white hat, which they promised to bustle up and have ready in time; and then I went home and told Ethelbertha all I had done. Her delight was clouded by only one reflection – would the dressmaker be able to finish a yachting costume for her in time? That is so like a woman.

Our honeymoon, which had taken place not very long before, had been somewhat curtailed, so we decided we would invite nobody, but have the yacht to ourselves. And thankful I am to Heaven that we did so decide. On Monday we put on all our clothes and started. I forget what Ethelbertha wore, but, whatever it may have been, it looked very fetching. My own costume was a dark blue trimmed with a narrow white braid, which, I think, was rather effective.

Mr. Goyles met us on deck, and told us that lunch was ready. I must admit Goyles had secured the services of a very fair cook. The capabilities of the other members of the crew I had no opportunity of judging. Speaking of them in a state of rest, however, I can say of them they appeared to be a cheerful crew.

My idea had been that so soon as the men had finished their dinner we would weigh anchor, while I, smoking a cigar, with Ethelbertha by my side, would lean over the gunwale and watch the white cliffs of the Fatherland sink imperceptibly into the horizon. Ethelbertha and I carried out our part of the programme, and waited, with the deck to ourselves.

“They seem to be taking their time,” said Ethelbertha.

“If, in the course of fourteen days,” I said, “they eat half of what is on this yacht, they will want a fairly long time for every meal. We had better not hurry them, or they won’t get through a quarter of it.”

“They must have gone to sleep,” said Ethelbertha, later on. “It will be tea-time soon.”

They were certainly very quiet. I went for’ard, and hailed Captain Goyles down the ladder. I hailed him three times; then he came up slowly. He appeared to be a heavier and older man than when I had seen him last. He had a cold cigar in his mouth.

“When you are ready, Captain Goyles,” I said, “we’ll start.”

Captain Goyles removed the cigar from his mouth.

“Not to-day we won’t, sir,” he replied, “WITH your permission.”

“Why, what’s the matter with to-day?” I said. I know sailors are a superstitious folk; I thought maybe a Monday might be considered unlucky.

“The day’s all right,” answered Captain Goyles, “it’s the wind I’m a-thinking of. It don’t look much like changing.”

“But do we want it to change?” I asked. “It seems to me to be just where it should be, dead behind us.”

“Aye, aye,” said Captain Goyles, “dead’s the right word to use, for dead we’d all be, bar Providence, if we was to put out in this. You see, sir,” he explained, in answer to my look of surprise, “this is what we call a ‘land wind,’ that is, it’s a-blowing, as one might say, direct off the land.”

When I came to think of it the man was right; the wind was blowing off the land.

“It may change in the night,” said Captain Goyles, more hopefully “anyhow, it’s not violent, and she rides well.”

Captain Goyles resumed his cigar, and I returned aft, and explained to Ethelbertha the reason for the delay. Ethelbertha, who appeared to be less high spirited than when we first boarded, wanted to know WHY we couldn’t sail when the wind was off the land.

“If it was not blowing off the land,” said Ethelbertha, “it would be blowing off the sea, and that would send us back into the shore again. It seems to me this is just the very wind we want.”

I said: “That is your inexperience, love; it SEEMS to be the very wind we want, but it is not. It’s what we call a land wind, and a land wind is always very dangerous.”

Ethelbertha wanted to know WHY a land wind was very dangerous.

Her argumentativeness annoyed me somewhat; maybe I was feeling a bit cross; the monotonous rolling heave of a small yacht at anchor depresses an ardent spirit.

“I can’t explain it to you,” I replied, which was true, “but to set sail in this wind would be the height of foolhardiness, and I care for you too much, dear, to expose you to unnecessary risks.”

I thought this rather a neat conclusion, but Ethelbertha merely replied that she wished, under the circumstances, we hadn’t come on board till Tuesday, and went below.

In the morning the wind veered round to the north; I was up early, and observed this to Captain Goyles.

“Aye, aye, sir,” he remarked; “it’s unfortunate, but it can’t be helped.”

“You don’t think it possible for us to start to-day?” I hazarded.

He did not get angry with me, he only laughed.

“Well, sir,” said he, “if you was a-wanting to go to Ipswich, I should say as it couldn’t be better for us, but our destination being, as you see, the Dutch coast – why there you are!”

I broke the news to Ethelbertha, and we agreed to spend the day on shore. Harwich is not a merry town, towards evening you might call it dull. We had some tea and watercress at Dover court, and then returned to the quay to look for Captain Goyles and the boat. We waited an hour for him. When he came he was more cheerful than we were; if he had not told me himself that he never drank anything but one glass of hot grog before turning in for the night, I should have said he was drunk.

The next morning the wind was in the south, which made Captain Goyles rather anxious, it appearing that it was equally unsafe to move or to stop where we were; our only hope was it would change before anything happened. By this time, Ethelbertha had taken a dislike to the yacht; she said that, personally, she would rather be spending a week in a bathing machine, seeing that a bathing machine was at least steady.

We passed another day in Harwich, and that night and the next, the wind still continuing in the south, we slept at the “King’s Head.” On Friday the wind was blowing direct from the east. I met Captain Goyles on the quay, and suggested that, under these circumstances, we might start. He appeared irritated at my persistence.

“If you knew a bit more, sir,” he said, “you’d see for yourself that it’s impossible. The wind’s a-blowing direct off the sea.”

I said: “Captain Goyles, tell me what is this thing I have hired? Is it a yacht or a house-boat?”

He seemed surprised at my question.

He said: “It’s a yawl.”

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/parallelak.html>

“What I mean is,” I said, “can it be moved at all, or is it a fixture here? If it is a fixture,” I continued, “tell me so frankly, then we will get some ivy in boxes and train over the port-holes, stick some flowers and an awning on deck, and make the thing look pretty. If, on the other hand, it can be moved – ”

“Moved!” interrupted Captain Goyles. “You get the right wind behind the Rogue – ”

I said: “What is the right wind?”

Captain Goyles looked puzzled.

“In the course of this week,” I went on, “we have had wind from the north, from the south, from the east, from the west – with variations. If you can think of any other point of the compass from which it can blow, tell me, and I will wait for it. If not, and if that anchor has not grown into the bottom of the ocean, we will have it up to-day and see what happens.”

He grasped the fact that I was determined.

“Very well, sir,” he said, “you’re master and I’m man. I’ve only got one child as is still dependent on me, thank God, and no doubt your executors will feel it their duty to do the right thing by the old woman.”

His solemnity impressed me.

“Mr. Goyles,” I said, “be honest with me. Is there any hope, in any weather, of getting away from this damned hole?”

Captain Goyles’s kindly geniality returned to him.

“You see, sir,” he said, “this is a very peculiar coast. We’d be all right if we were once out, but getting away from it in a cockle-shell like that – well, to be frank, sir, it wants doing.”

I left Captain Goyles with the assurance that he would watch the weather as a mother would her sleeping babe; it was his own simile, and it struck me as rather touching. I saw him again at twelve o’clock; he was watching it from the window of the “Chain and Anchor.”

At five o’clock that evening a stroke of luck occurred; in the middle of the High Street I met a couple of yachting friends, who had had to put in by reason of a strained rudder. I told them my story, and they appeared less surprised than amused. Captain Goyles and the two men were still watching the weather. I ran into the “King’s Head,” and prepared Ethelbertha. The four of us crept quietly down to the quay, where we found our boat. Only the boy was on board; my two friends took charge of the yacht, and by six o’clock we were scudding merrily up the coast.

We put in that night at Aldborough, and the next day worked up to Yarmouth, where, as my friends had to leave, I decided to abandon the yacht. We sold the stores by auction on Yarmouth sands early in the morning. I made a loss, but had the satisfaction of “doing” Captain Goyles. I left the Rogue in charge of a local mariner, who, for a couple of sovereigns, undertook to see to its return to Harwich; and we came back to London by train. There may be yachts other than the Rogue, and skippers other than Mr. Goyles, but that experience has prejudiced me against both.

ДЖ. ДЖЕРОМ

ТРОЕ НА ЧЕТЫРЕХ КОЛЕСАХ

(отрывок)

Перевод Н. Жаринцовой

Много лет назад, когда я был еще молод и неопытен, мне довелось узнать, чего стоит «плавание» на наемной яхте со шкипером. Три обстоятельства вовлекли меня в эту глупость: во-первых, я по случаю хорошо заработал; во-вторых, Этельберте ужасно захотелось подышать морским воздухом, и в третьих, мне попалось на глаза заманчивое объявление в газете «Спортсмен»:

«Любитель морского спорта. – Редкий случай! «Головорез», 28-тонный ял. Владелец судна из-за внезапного отъезда согласен отдать свою «борзую моря» внаем на какой угодно срок. Две каюты и кают-компания; пианино Воффенкопфа; вся медь на судне новая. Условия: 10 гиней в неделю. Обращаться к Пертви и К°, Бокльсберри».

Это объявление волшебным образом обращало въявь мои тайные мечты. «Новая медь» меня не интересовала: нас устроила бы и старая, даже без чистки, но «пианино Воффенкопфа» меня покорило!.. Я представил себе Этельберту, наигрывающую в вечерний час мелодичную песню с припевом, который стройно подхватят голоса команды... А наша «борзая моря» несется легкими скачками по серебристым волнам...

Я взял кеб и немедленно разыскал третий

ДЖ. ДЖЕРОМ

ТРОЕ НА ВЕЛОСИПЕДАХ

(отрывок)

Перевод А. Попова

Мне самому довелось нанимать яхту. Было это давным-давно, на заре нашей супружеской жизни. Стечение трех роковых обстоятельств толкнуло меня на эту глупость: нежданно-негаданно я получил кучу денег; Этельберта стала жаловаться, что соскучилась по морскому воздуху; в то злополучное утро, совершенно случайно, читая в клубе свежий номер «Спортсмена», я наткнулся на объявление: «Для любителей парусного спорта. Уникальная возможность. «Гончая», 28-тонный ял. В связи со срочным отъездом сдается на любой срок быстроходная яхта с великолепной оснасткой. Две каюты и салон; пианино фирмы «Воффенкопф»; новое прачечное оборудование. Условия: десять гиней в неделю. Обращаться по адресу: Пертви и Ко, д. За, Баклсбери».

Все складывалось как нельзя лучше. «Новое прачечное оборудование» меня мало волновало, со стиркой можно подождать. Но «пианино фирмы «Воффенкопф»» звучало заманчиво. Я представил себе летний вечер, уютный салон, Этельберту, сидящую за инструментом; вот она берет первые аккорды – и тут вступает хор матросов (предварительно порепетировав); а наша яхта мчится на всех парусах в родной порт.

Я сел в кеб и поехал прямо в Баклсбери, д. За. В мистере Пертви не было ничего примечательного; скромная контора помешалась на четвертом этаже. Мистер Пертви показал мне цветную акварель, на

ДЖ. ДЖЕРОМ

ТРОЕ НА ЧЕТЫРЕХ КОЛЕСАХ

(отрывок)

Перевод Г. Севера

Несколько лет назад, когда я был зелен и неискушен, я нанимал яхту сам. На этот дурацкий поступок меня толкнуло стечение трех обстоятельств – мне неожиданно повезло; Этельберта выразила желание подышать «морским воздухом»; как раз на следующее утро, прихватив случайно в клубе номер «Спортсмена», я наткнулся на следующее объявление:

«Любителю парусного спорта. Редкий случай! «Бродяга», 28-тонный ял. В связи со срочной командировкой, владелец согласен сдать свою «борзую моря» внаем; срок любой длительности. Две каюты и кают-компания; пианино Воффенкопфа; новый котел. Условия: 10 гиней в неделю. Обращаться: Пертви и К°, 3-А Баклсбери».

Для меня это было как ответ на молитву. «Новый котел» меня не интересовал (если будет какая-то стирка, думал я, она может и подождать). А вот «пианино Воффенкопфа» звучало соблазнительно. Я вообразил Этельберту, играющую по вечерам – что-нибудь такое с припевом (к которому, возможно, после некоторой тренировки, могла бы присоединиться команда) – покуда наш стремительный дом несея бы, «как гончая», по серебристым волнам.

Я взял кэб и поехал прямо в Баклсбери, 3-А. Господин Пертви оказался скромным на вид джентльменом, с неприхотливой конторой на третьем этаже.

номер по Бокльсберри. Мистер Пертви оказался ничуть не гордым джентльменом; я нашел его в конторе довольно скромного вида в третьем этаже. Он продемонстрировал мне изображающую яхту акварель: «Головорез» шел крутым галсом, палуба была наклонена к воде почти под прямым углом; на ней не было ни души – все, очевидно, сползли в море. Я обратил внимание хозяина яхты на такое неудобство положения судна, при котором пассажирам, только и оставалось, что прибивать себя к палубе гвоздями; но он отвечал, что «Головорез» изображен в ту минуту, когда он «огибал» какое-то опасное место на гонках, на которых взял приз. Об этом мистер Пертви поведал таким тоном, словно это событие известно всему миру; поэтому мне не захотелось расспрашивать о подробностях. Два черных пятнышка на полотне возле рамы, которые я принял сначала за мошек, оказались яхтами, пришедшими вслед за «Головорезом» в день знаменитой гонки. Фотографический снимок того же судна, стоящего на якоре в Гревсенде, производил меньшее впечатление, но так как все ответы на мои вопросы удовлетворили меня, то я сказал, что нанимаю яхту на две недели. Мистер Пертви нашел такой срок очень подходящим: если бы я захотел заключить договор на три недели, то ему пришлось бы мне отказать, но двухнедельный срок замечательно удачно совпадал со временем, которое было уже обещано после меня другому любителю спорта.

которой была изображена «Гончая», обгоняющая ветер. Палуба вздымалась под углом девяносто пять градусов. Людей на палубе не было, они, должно быть, попадали за борт. И действительно, трудно было понять, как матросы могли держаться на ногах, не приколотив себя к палубе.

Я поделился своими соображениями на этот счет с хозяином, но он мне объяснил, что на картине изображено, как «Гончая» обходит кого-то там на повороте – факт, как известно, имевший место на гонках в Медуэйе. Мистер Пертви был настолько уверен в том, что все подробности той регаты мне досконально известны, что я постеснялся задавать вопросы. Два цветных пятнышка у рамки, которые я по наивности принял за бабочек, оказались, как выяснилось, вторым и третьим призерами престижных гонок. Фотография яхты, стоящей на якоре близ Грейвсенда, производила меньшее впечатление, зато яхта на ней казалась более устойчивой. Удовлетворившись ответами на все мои вопросы, я нанял яхту на две недели. Оказалось, мне крайне повезло, что яхта требуется только на две недели (позднее я понял, что это действительно так): эти сроки устраивали другого нанимателя. Потребуйся яхта мне на три недели, мистеру Пертви пришлось бы отказать.

Когда мы договорились об условиях найма, мистер Пертви поинтересовался, нет ли у меня на примете шкипера. Я сказал, что нет, и оказалось, что мне опять страшно повезло (похоже, счастье само шло мне в руки в тот день): мистер Пертви был уверен, что вряд ли мне удастся найти шкипера лучшего, чем м-р Гойлиз, на чье попечение оставлена яхта. Это отличный моряк, – заверил меня мистер Пертви, – море он знает как свои пять пальцев и никогда

Он показал мне акварель «Бродяги», который шел крутым галсом. Палуба была наклонена к воде под углом 95 градусов. Человеческих существ на изображении представлено не было; скорее всего, они попадали за борт. Больше того, я не представляю, как там можно было оставаться, не приколотив себя гвоздями. Я указал на это неудобство хозяину, который, однако, разъяснил мне, что на изображении «Бродяга» представлен как раз в тот момент, когда он обходит кого-то во время гонок на приз Медуэй Челлендж (которую он, как хорошо известно, выиграл). Господин Пертви, таким образом, положил, что об этом событии мне все известно, и задавать вопросы я постеснялся. Два пятнышка около рамы, которых я сначала принял за мотыльков, представляли собой, как выяснилось, вторых и третьих призеров этой знаменитой регаты.

Фотография яхты, стоящей на якоре около Грейвсенда, производила меньшее впечатление, хотя и вызывала ощущение большей устойчивости. Получив удовлетворительные ответы на все вопросы, я нанял яхту на две недели. Как сказал господин Пертви, мне повезло, что яхта требуется только на две недели (позже мне пришлось согласиться); срок замечательно совпадал с броней, которая должна быть после меня. Потребуй я не две недели, но три, он был бы просто вынужден мне отказать.

Договорившись об условиях найма, господин Пертви спросил, есть ли у меня на примете шкипер. Шкипера у меня не было, что оказалось просто как по заказу (счастье, похоже, само шло ко мне в руки) – господин Пертви был уверен, что лучше господина Гойлза, на чьем попечении яхта в данный момент находится, мне просто не найти. Господин

<p>Затем мистер Пертви осведомился, есть ли у меня на примете хороший шкипер, и когда я сказал, что нет, то это тоже оказалось замечательно удачным (судьбе, видимо, захотелось побаловать меня): у мистера Пертви еще не был отпущен прежний шкипер яхты, мистер Гойльс, – шкипер, который еще никого не утопил и знает море как свои пять пальцев.</p> <p>«Головорез» стоял в Гарвиче, и, пользуясь свободным утром, я решил съездить и осмотреть его сейчас же. Я еще поспел к поезду в 10 ч. 45 м. и около часу был на месте.</p> <p>Мистер Гойльс встретил меня на палубе. Это был добродушный толстяк весьма почтенного вида. Я объяснил ему мое намерение обогнуть Голландские острова и затем подняться к северу к берегам Норвегии.</p> <p>– Вот-вот, сэ! – отвечал толстяк с видимым одобрением и даже восторгом.</p> <p>Он увлекся еще больше, когда начали обсуждать вопрос о съестных припасах и потребовал такое количество провианта, что я был поражен: если бы мы жили во времена адмирала Дрейка или испанского владычества на морях, я подумал бы, что мистер Гойльс собирается в дальний и, пожалуй, пиратский рейд. Однако он добродушно засмеялся и уверил меня, что ничего лишнего мы не возьмем: если что-нибудь останется, то матросы поделятся и возьмут с собой по домам. Так уж повелось на этой яхте. Когда количество съестных</p>	<p>понапрасну не рискует.</p> <p>Времени было еще немного, а яхта стояла в Харвидже. Я сел на поезд в десять сорок пять и примерно в час стоял уже на борту яхты и беседовал с м-ром Гойлизом. Во всех чертах этого толстяка сквозила какая-то отеческая заботливость. Я рассказал ему о своих планах: мы проходим Голландские острова и идем на Норвегию. Он ответил: «Есть, сэ!» – и, как мне показалось, с энтузиазмом воспринял это предложение; он сказал, что такое плавание придется ему по душе. Стали решать продовольственную проблему, и энтузиазм его вспыхнул с новой силой. Однако раскладка, предложенная м-ром Гойлизом, меня, признаться, несколько смутила. Живи мы во времена Дрейка и Испанских морей, я бы заподозрил, что затевается бунт и захват корабля. Но его добродушный смех рассеял мои опасения. Лишку, заверил он меня, не будет; если что и останется, то парни поделят между собой и возьмут домой – есть, кажется, такой морской закон. Мне показалось, что «лишку» хватит команде на зиму, но, не желая показаться скаредным, я промолчал. Количество спиртного потрясло меня в не меньшей степени. Я прикинул, сколько нам потребуется самим, и назвал цифру; затем м-р Гойлиз выступил от имени команды. К чести его замечу, что о своих людях он заботился.</p> <p>– Пьянства, мистер Гойлиз, я не допущу, – сказал я.</p> <p>– Пьянства? – удивился м-р Гойлиз. – Да какое это пьянство, если моряк плеснет себе в чай малость рому?</p> <p>Он объяснил, что его девиз – «Набери хорошую команду и обращайся с людьми по-человечески».</p> <p>– Они будут лучше работать, – сказал м-р Гой-</p>	<p>Гойлз, как заверил меня господин Пертви, шкипер просто превосходный; человек, знающий море как собственную жену, и который никого еще не утопил.</p> <p>Было еще рано, «Бродяга» стоял в Харидже; я сел на поезд 10:45 с Ливерпуль-стрит, и около часа уже был на борту, беседуя с господином Гойлизом. Это был тучный человек с отеческими повадками. Я рассказал ему, что мой план – обогнуть внешние Голландские острова и подойти к Норвегии, на что он ответил «Есть, сэ!», и, как показалось, воспринял его просто с энтузиазмом; он сказал, что ему самому такое плавание по душе.</p> <p>Вопрос о запасе продовольствия, к обсуждению которого мы приступили, он воспринял с еще большим энтузиазмом. Количество провианта, рекомендованное господином Гойлизом, признаться, меня удивило. Если бы мы жили во времена Дрейка и Испанских завоеваний, я начал бы опасаться, что он затевает что-то противозаконное. Но он рассмеялся, своим отеческим образом, и заверил меня, что лишку в этом нет. А все что останется, команда поделит между собой и заберет по домам (такой, кажется, был морской закон). Мне показалось, что «лишку» хватило бы команде на целую зиму, но я не хотел прослыть скаредом и больше ничего не сказал. Затребованное количество спиртного меня удивило также. Я заказал столько, чтобы как раз хватило на нас (как сам полагал), но здесь господин Гойлз выступил уже в защиту команды. (К его чести отмечу, о своих людях он беспокоился.)</p> <p>– Нам ведь не нужно никаких вакханалий, господин Гойлз, – сказал я.</p> <p>– Вакханалий! – отвечал господин Гойлз. – Да вы</p>
--	---	---

припасов было определено и очередь дошла до крепких напитков, то я понял, что мне их придется заготовить на целую зиму, но смолчал, чтобы не показаться скупым. Только когда мистер Гойльс с большой заботливостью осведомился, сколько бутылок будет взято собственно для матросов, то я скромно заметил, что не намеревался устраивать никаких оргий.

– Оргий! – Повторил мистер Гойльс. – Да они выпьют эти жалкие капли с чаем. Надо нанимать толковых людей и обращаться с ними хорошо, тогда они будут отлично работать и являться по первому вашему зову.

Я не чувствовал желания, чтобы они являлись по первому моему зову; у меня в сердце зародилась антипатия к этим матросам, прежде чем я их увидел. Но мистер Гойльс был очень напорист, а я очень неопытен и подчинился ему во всем. Он обещал, что «не будет шляпой и справится со всем сам, с помощью всего лишь двух матросов и одного юнга». Не знаю, к чему последнее относилось – к провианту или к управлению яхтой.

По дороге домой я зашел к портному и заказал себе подходящий костюм с белой шляпой; портной обещал поспешить и приготовить его вовремя. Когда я, вернувшись, рассказал все Этельберте, она пришла в восторг и тревожилась только об одном – успеет ли сшить платье себе. Это было так по-женски!

Наш медовый месяц кончился совсем

лиз, – и они к вам вернутся.

Мне не хотелось, чтобы они возвращались. Еще не видя, я возненавидел их: они рисовались мне обжорами и пьяницами. Но м-р Гойлиз говорил так убедительно, а я был так неопытен, что и тут я пошел у него на поводу. Он заверил меня, что лично проследит, чтобы по этой статье остатков не оказалось.

Набором команды м-р Гойлиз решил заняться самолично. Пара матросов и юнга – больше нам не потребуйся. Команда с делом управится. Если речь шла об уничтожении запасов еды и спиртного, то, по-моему, он несколько преувеличивал возможности человека, но, кто знает, может, имелось в виду управление яхтой.

По пути домой я заскочил к портному и заказал спортивный костюм, который мне пообещали сшить срочно, а затем поехал к Этельберте и поведал обо всем, что успел натворить. Восторг ее был беспримечен, и беспокоило лишь одно: успеет ли портниха сшить ей новое платье. Ох уж эти женщины!

Мы недавно вернулись из свадебного путешествия, но оно было непродолжительным, и мы решили никого не приглашать, а провести время на яхте вдвоем. И слава Богу, что так решили.

В понедельник мы выехали. Костюмы были готовы в срок. Не помню, в чем была Этельберта, но выглядела она очаровательно. На мне был темно-синий костюм, отороченный белой тесьмой, что, как мне кажется, весьма эффектно.

М-р Гойлиз встретил нас на палубе и отрапортовал, что обед готов. Должен заметить, что с обязанностями кока он справлялся великолепно. Оценить по достоинству сноровку других членов команды

что. Им этих жалких капель как раз и хватит, что в чай.

Он объяснил, что его девиз: «набери хороших людей, и обращай с ними по-хорошему».

– Они будут и лучше работать, – сказал господин Гойлиз, – и вернутся еще раз.

Я не хотел, чтобы они возвращались. Мне они и так уже разонравились, еще до того, как я их увидел. Это была команда просто каких-то прожорливых алкоголиков. Но господин Гойлиз был такой пылкий и ревностный, а я был такой неопытный, что снова пошел у него на поводу. Он заверил, что эту статью он возьмет под персональный контроль и проследит, чтобы ничего не было разбазарено.

Набор команды я предоставил также господину Гойлизу. Он сообщил, что со всем делом может справиться сам, и (для меня) сам и справится, с помощью двух матросов и мальчика. Если он имел в виду уборку спиртного и провианта, то, я думаю, рук бы для этого бы не хватило (хотя, возможно, он имел в виду управление яхтой).

По дороге домой я зашел к своему портному и заказал прогулочный морской костюм, с белой шляпой. Портной обещал подсуетиться и приготовить все вовремя. Затем я поспешил домой, и рассказал Этельберте обо всем что устроил. Ее восторг был омрачен только единственным – успеет ли портниха сшить прогулочное морское платье для нее самой? (Как это было по-женски.)

Наш медовый месяц, который недавно закончился, пришлось несколько сократить, так что мы решили, что приглашать никого не будем, и яхта пусть будет только для нас. И я благодарен Небу, что мы так решили. В понедельник мы забрали кос-

недавно – и кончился, благодаря случайным обстоятельствам, раньше, чем мы этого желали; поэтому теперь нам захотелось вознаграждать себя, и мы решили не приглашать с собой ни души знакомых. И слава Богу, что так решили. В понедельник костюмы были готовы, и мы отправились в Гарвич. Не помню, какой костюм приготовила себе Этельберта; мой был весь обшит узенькими белыми тесемочками и выглядел очень экстравагантно.

Мистер Гойльс радушно встретил нас на палубе и сообщил, что завтрак готов. Надо отдать ему должное: поварские способности у него были отменные. О способностях остального экипажа мне судить не пришлось, одно могу сказать – ребята были не промах.

Я думал, что как только команда отобедает, мы подыдем якорь и выйдем в море. Я закурю сигару и вместе с Этельбертой буду следить, облокотившись на поручень, за мягко тающими на горизонте белыми скалами родного берега. Мы исполнили свою часть программы, но на совершенно пустой палубе.

– Они, кажется, не спешат отобедать, заметила Этельберта.

– Если они в две недели собираются съесть хотя бы половину запасов, то нам их нельзя торопить; не успеют, – отвечал я.

Прошло еще какое-то время.

– Они, вероятно, все заснули! – заметила опять Этельберта. – Ведь скоро пять часов, пора чай пить.

мне так и не удалось – в деле я их не видел, – но, когда у меня хорошее настроение, я уклончиво говорю, что это были славные ребята.

День я планировал так: как только команда отобедает, мы поднимаем якорь; я закуриваю сигару, мы с Этельбертой облокачиваемся о фальшборт и смотрим, как белые скалы отчизны милой медленно исчезают за горизонтом. Свою часть программы мы с Этельбертой выполнили и стали ждать. Поднять якорь никто не спешил.

– Что-то они долго копаются, – заметила Этельберта.

– За четырнадцать дней, – сказал я, – им необходимо прикончить хотя бы половину всех припасов. Естественно, обед у них затянулся. Но лучше их не торопить, а то они не осият и четверти.

– Скорее всего, они пошли спать, – сказала Этельберта немного погодя. – Уже пора пить чай.

Они определенно не спешили. Я прошел на ют и позвал м-ра Гойлиза. Кричать пришлось трижды, и лишь после этого он чинно поднялся на палубу. За то время, как мы не виделись, он как-то погрузнел и обрюзг. В зубах он сжимал окурочек сигары.

– Доложите, когда вы будете готовы, капитан Гойлиз, – сказал я. – Мы выходим в море.

Капитан Гойлиз вынул изо рта окурочек.

– С вашего позволения, сэр, – ответил он, – сегодня ничего не выйдет.

– Почему? Чем вам не нравится сегодняшний день? – удивился я.

Как известно, моряки – народ суеверный, а понедельник – день тяжелый.

– День как день, сэр, – ответил капитан Гойлиз. – Да вот ветер мне не нравится. Не похоже, что

тюмы и вышли. Не помню, что было на Этельберте, но смотрелось оно просто очаровательно. У меня был темно-синий костюм, отделанный узкой белой тесьмой, что, как я думаю, смотрелось также весьма эффектно.

Господин Гойлз встретил нас на палубе и сообщил, что завтрак готов. Должен заметить, что с работой кока он справлялся великолепно. Судить о способностях прочего экипажа возможности мне не выпало. (Могу сказать, однако, что пока мы стояли, они вроде как не скучали.)

Мне представлялось, что как только люди покончат с обедом, мы снимемся с якоря, и я, дымя сигарой, с Этельбертой, стоящей рядом, облокочусь на планшир, и буду смотреть на белые скалы отчизны, медленно исчезающие за горизонтом. Мы с Этельбертой осуществили свою часть программы, и стали ждать на палубе, предоставленной в наше распоряжение полностью.

– Они вроде как не торопятся, – заметила Этельберта.

– Если за четырнадцать дней, – сообщил я, – они собираются съесть хотя бы половину запасов на этой яхте, у них уйдет масса времени на каждый обед. Лучше не торопить, а то они не осият и четверти.

– Они, наверно, отправились спать, – заметила Этельберта позже. – Скоро и чай пить пора.

Тишина стояла полная. Я прошел на ют и позвал капитана Гойлиза. Звать пришлось три раза, после чего он неторопливо поднялся. С тех пор как мы виделись в последний раз, он как-то постарел и обрюзг. Во рту у него находилась потухшая сигара.

– Когда будете готовы, капитан Гойлз, – сообщил

<p>Тишина действительно стояла полная. Я подошел к трапу и окликнул мистера Гойльса. Мне пришлось кликнуть три раза, и только тогда он явился на зов. Почему-то он казался более старым и рыхлым, чем прежде; во рту у него была потухшая сигара.</p> <p>– Когда вы будете готовы, капитан, мы тронемся, – сказала я.</p> <p>– Сегодня мы не тронемся, с вашего позволения, сэр.</p> <p>– А что такое сегодня? Плохой день?</p> <p>Моряки – народ суеверный, и я подумал, что нынешний денек мистеру Гойльсу чем-нибудь не понравился.</p> <p>– Нет, день ничего, только ветер, кажется, не хочет меняться.</p> <p>– А разве ему нужно меняться? Как будто он дует прямо в море.</p> <p>– Вот-вот, сэр! Именно: он бы и нас отправил прямо в море, если бы мы снялись с якоря. Видите ли, сэр, – прибавил он в ответ на мой удивленный взгляд, – это ветер береговой.</p> <p>Ветер был действительно береговой.</p> <p>– Может быть, за ночь переменится! – И, ободрительно кивнув головой, мистер Гойльс разжег потухшую сигару. – Тогда тронемся: «Головорез» – хорошее судно.</p> <p>Я вернулся к Этельберте и рассказал о причине задержки. Она была уже не в том миллом настроении, как утром, и пожелала узнать, почему нельзя поднять паруса при береговом ветре.</p> <p>– Если бы ветер был с моря, то нас</p>	<p>он переменится.</p> <p>– Как? – удивился я. – Разве нам нужен другой ветер? По-моему, он дует как раз туда, куда нам надо.</p> <p>– Вот-вот, – сказал капитан Гойлиз. – Это вы правильно выразились: «куда нам надо». Все мы там будем, но спешить не надо. А если мы выйдем в море при таком ветре, то там и будем. Понимаете, сэр, – объяснил он, заметив мое недоумение, – это, по-нашему, «береговой ветер», то есть дует он вроде как бы с берега.</p> <p>Поразмыслив, я пришел к выводу, что он прав: ветер и в самом деле дул с берега.</p> <p>– Может, к утру он и переменится, – утешил меня капитан Гойлиз. – В любом случае ветер не сильный, а якорь у нас крепкий.</p> <p>Капитан водрузил окурочку на прежнее место, а я пошел к Этельберте и объяснил ей, почему мы стоим. Восторг Этельберты за то время, что мы пробыли на борту яла, слегка поостыл, и она захотела узнать, что мешает нам выйти в море при ветре с берега.</p> <p>– Если ветер дует с берега, то он будет гнать яхту в море, – сказала Этельберта. – Если же ветер будет дуть с моря, он отгонит нас к берегу. По-моему, дует как раз тот ветер, который нам нужен.</p> <p>Я стал объяснять:</p> <p>– Ты ничего не понимаешь, дорогая моя. На первый взгляд, это тот ветер, а на самом деле – не тот. Это, по-нашему, по-морскому, – береговой ветер, а нет ничего опаснее берегового ветра.</p> <p>Этельберте захотелось узнать, чем опасен береговой ветер.</p> <p>Ее занудство начинало раздражать, кажется, я</p>	<p>я, – мы выходим.</p> <p>Капитан Гойлиз вытащил изо рта сигару.</p> <p>– С вашего позволения, сэр, – отвечал он, – сегодня ничего не выйдет.</p> <p>– Почему? Чем вам не нравится сегодня? – удивился я. (Я знаю, матросы люди суеверные; должно быть, понедельник считается у них днем невезучим.)</p> <p>– Да нет, с сегодня-то все нормально, – отвечал капитан Гойлиз. – Я про ветер. Похоже, он не собирается перемениться.</p> <p>– А нам что, нужно чтобы он переменился? Он ведь дует вроде как раз куда надо, в самую спину?</p> <p>– Вот-вот, сэр, – сказал капитан Гойлиз. – «Куда надо», это вы правильно... Все мы там будем, спаси Господи... Если с ним выйдем. Понимаете, сэр, – стал объяснять он в ответ на мой удивленный взгляд, – это то, что у нас называется «береговой ветер». То есть он дует, можно сказать, прямо с берега.</p> <p>Поразмыслив, я пришел к выводу, что он прав. Ветер дул с берега.</p> <p>– Может, к утру он и переменится, – обнадежил капитан Гойлиз. – Все равно, ветер не сильный, да и яхта ходкая.</p> <p>Капитан Гойлиз вернулся к сигаре, я вернулся на бак и объяснил Этельберте причину задержки. Этельберта, которая была уже не так воодушевлена как утром, когда мы ступили на борт, пожелала узнать, почему мы не можем отойти от берега, когда ветер с берега дует.</p> <p>– Если бы он дул не с берега, – сказала Этельберта, – то дул бы с моря, и конечно, придул бы нас к берегу. А это, мне кажется, как раз такой ветер, ко-</p>
--	---	---

<p>выбросило бы обратно на берег, – заметила она. – Кажется, теперь самый подходящий ветер.</p> <p>– Да, тебе так кажется, дорогая моя, но береговой ветер всегда очень опасен.</p> <p>Этельберта пожелала узнать, почему береговой ветер всегда очень опасен. Ее настойчивость огорчила меня.</p> <p>– Я этого не сумею объяснить, но идти в море при таком ветре было бы ужасным риском, а я тебя слишком люблю, моя радость, чтобы рисковать твоей или своей собственной жизнью.</p> <p>Я думал, что очень мило все объяснил, но Этельберта, посетовав на то, что уехала из Лондона днем раньше, скрылась в каюте.</p> <p>Мне стало почему-то досадно. Легкое покачивание яхты, стоящей на якоре, может испортить самое блестящее настроение.</p> <p>Утром я был на ногах чуть свет. Ветер дул прямо с севера. Я сейчас же отыскал шкипера и сообщил ему о своем наблюдении.</p> <p>– Да, да, сэр. Очень печально, но мы этого изменить не можем.</p> <p>– Как? Нам и сегодня нельзя тронуться с места!</p> <p>– Видите ли, сэр, если бы вы хотели идти в Инсвич – хоть сейчас! Сколько угодно! Но наша цель – Голландские острова, вот и приходится сидеть.</p> <p>Я передал эти новости Этельберте, и мы решили провести весь день в городе. Гарвич – место вообще не веселое, а уж к вечеру и вовсе скучное. Побродив по ресторанам, мы</p>	<p>даже повысил голос – однообразные покачивания яхты, стоящей на приколе, любого доведут до белого каления.</p> <p>– Объяснять это слишком долго, – ответил я (мне и жизни бы не хватило – я и сам ничего не понимал), – но пускаться в плавание, когда дует такой ветер, – верх беспечности, а я слишком тебя люблю, дорогая, чтобы подвергать твою жизнь бессмысленному риску.</p> <p>По-моему, я довольно ловко вывернулся, но, прекратив допрос, Этельберта заявила, что раз так, то до завтрашнего дня на палубе делать нечего, и мы спустились в каюту.</p> <p>Я поднялся ни свет ни заря; ветер задул с севера, на что я и обратил внимание капитана Гойлиза.</p> <p>– Вот-вот, – сокрушенно сказал он. – В том-то и беда, и ничего тут не поделаешь.</p> <p>– Так, по-вашему, сегодня нам выйти тоже не удастся? – взорвался я.</p> <p>Но он не обиделся, а лишь рассмеялся.</p> <p>– Ну вы даете, сэр! – сказал он, – Коли вам надо в Инсвич, то ветерок что надо, но мы же идем к Голландии. Тут уж ничего не попишешь.</p> <p>Я довел эту скорбную весть до сведения Этельберты, и мы решили провести день на берегу. Нельзя сказать, чтобы в Хардвидже жизнь была ключом, а вечером там просто некуда пойти. Мы перекусили в трактире и вернулись в бухту, где битый час прождали капитана Гойлиза. Наконец он явился. Капитан Гойлиз был очень оживлен (в отличие от нас), и я уж было решил, что он попросту пьян, но он заверил нас, что спиртного на дух не переносит, разве что стаканчик горячего грога на сон грядущий.</p> <p>За ночь ветер переменялся на южный, что вы-</p>	<p>торый нам нужен?</p> <p>Я сказал:</p> <p>– Это отсутствие опыта, любимая. Тебе кажется, что это как раз такой ветер, который нам нужен. Но это не так. Это то, что у нас называется «береговой ветер», а ветер с берега всегда очень опасен.</p> <p>Этельберта пожелала узнать, почему береговой ветер очень опасен.</p> <p>Ее упрямство привело меня в некоторое раздражение. Возможно, я был несколько не в настроении; монотонная качка небольшой яхты, стоящей на якоре, пылкую натуру угнетает.</p> <p>– Не могу тебе объяснить, – сказал я (что было правда), – но поставить парус по такому ветру было бы верхом безрассудства. А ты мне чересчур дорога, дорогая, чтобы я стал подвергать твою жизнь излишнему риску.</p> <p>Такая концовка показалась мне весьма тонкой, но Этельберта просто ответила, что, в таком случае, сожалеет о том, что мы поспешили подняться на борт, не подождав до вторника, и ушла вниз.</p> <p>Утром ветер переменялся и задул с севера. Я, будучи на ногах спозаранку, указал на это капитану Гойлзу.</p> <p>– Да-да, сэр, – высказался он, – просто жалость сэр, но ничего не поделаешь.</p> <p>– По-вашему, нам и сегодня не выйти? – рискнул я задать вопрос.</p> <p>Он не разозлился на меня, он только рассмеялся.</p> <p>– Что же, сэр, если бы вам нужно было идти на Инсвич, то, конечно, лучше и не придумаешь. Но нам-то, как вы знаете, нужно идти на голландское побережье. Ничего не поделаешь, сэр.</p> <p>Я сообщил новости Этельберте, и мы решили</p>
---	--	--

вернулись на набережную. Шкипера на месте не было. Вернулся он через час изрядно навеселе, во всяком случае он был куда веселее нас: если бы я не слышал от него лично, что он пьет ежедневно только один стакан грогу перед сном, то принял бы его за пьяного. На следующее утро ветер задул с юга. Шкипер встревожился, говоря, что если это будет продолжаться, то нам нельзя ни двигаться, ни стоять на месте. У Этельберты стало возникать чувство острой неприязни к яхте, и она объявила, что предпочла бы провести неделю, принимая морские ванны в безопасной купальне. Два дня прошли в большом беспокойстве. Спали мы на берегу в гостинице. В пятницу ветер зашел с востока. Я встретил шкипера на набережной и сообщил ему радостную весть. Он даже рассердился:

– Что вы, сэр! Если бы вы больше понимали, то видели бы, что ветер дует прямо с моря! Тогда я спросил серьезно:

– Скажите, пожалуйста, что я нанял? Плавучий сарай или яхту? Что это такое?

– Это – ял, – отвечал он, несколько озадаченный.

– Дело в том, – продолжал я, – что если это плавающая дача, то мы купим плюша, побольше цветов и постараемся обустроить жилище поуютнее. Если же эту штуку возможно двинуть с места...

– Двинуть с места! Да нам нужен только попутный ветер.

– А что вы называете попутным ветром?

звало новые опасения капитана Гойлиза: оказывается, мы одинаково рискуем и стоя на якоре, и пытаюсь выйти в море остается лишь уповать, что ветер переменится, прежде чем успеет что-нибудь натворить. Этельберта уже невзлюбила яхту; она сказала, что с куда большим удовольствием провела бы неделю в купальной кабинке – ту, по крайней мере, не болтает.

В Хардвидже мы провели весь следующий день и всю следующую ночь и еще один день: ветер не менялся. Ночевали мы в «Голове короля». В пятницу задул восточный ветер. Я пошел в гавань, разыскал капитана Гойлиза и предложил ему, в силу благоприятно сложившихся обстоятельств, немедленно выбирать якорь и ставить паруса. Похоже, моя категоричность его рассердила.

– Сразу видно, сэр, что вы в нашем деле не разбираетесь, – сказал он. – Как тут поставишь паруса? Ветер дует прямо с моря.

Я спросил:

– Капитан Гойлиз, признайтесь мне откровенно: что за штуку я нанял? Яхту или понтонный домик?

Вопрос его слегка озадачил.

– Это ял.

– Я вот что хочу узнать, – объяснил я. – Может ли эта лоханка ходить под парусом или она поставлена здесь на вечную стоянку? Если она стоит на мертвом якоре, то так и скажите, зачем же темнить? Мы разведем в ящиках плюш, пустим его вокруг иллюминаторов, на палубе посадим цветы, натянем тент, чтобы было поуютней. Если же, с другой стороны, она способна к перемещению...

– К перемещению! – взорвался капитан Гойлиз. – Да дайте мне нужный ветер, и «Гончая»...

провести день на берегу. Харидж город не бойкий, под вечер, можно сказать, тоскливый. В Даверкорте мы взяли себе по салату и по чашке чаю, после чего вернулись на набережную, чтобы найти капитана Гойлиза. Мы прождали его целый час. Когда он вернулся, ему было явно веселее, чем нам. (Если бы он лично не заверил меня, что не пьет ничего кроме стакана горячего грога перед сном, я подумал бы, что он пьян.)

На следующее утро ветер был южный, что привело капитана Гойлиза в совершенное беспокойство. Было ясно, что и передвигаться, и оставаться там где мы находимся равным образом небезопасно. Нам остается уповать только на то, что прежде чем ветер переменится, страшного не произойдет. К этому времени Этельберта прониклась к яхте нерасположением. Она сказала, что предпочла бы лучше провести недельку в передвижной пляжной раздевалке; ее, во всяком случае, не мотает.

Мы провели еще один день в Харидже, еще одну ночь, и день следующий. Ветер по-прежнему оставался южным, и мы заночевали в «Голове Короля». В пятницу ветер задул строго с востока. Я встретил капитана Гойлиза на пристани и предложил, при таких обстоятельствах, выйти. Явным образом, моя настойчивость привела его в раздражение.

– Если бы в этом больше понимали, – сказал он, – То сами бы знали, что этого делать нельзя. Ветер же дует прямо с моря!

Я сказал:

– Капитан Гойлиз, скажите мне, что за предмет я нанял? Это яхта или дебаркадер?

Мой вопрос его, как видно, ошеломил. Он сказал:

– Это ял.

<p>Шкипер молчал.</p> <p>– За эту неделю ветер был с запада, с севера, с юга и востока. Если вы мне укажете еще на какуюнибудь часть света, откуда мы должны ждать попутного ветра, то я буду ждать. Но если у вас компас обыкновенный и если наш якорь еще не прирос к морскому дну, то мы его сегодня подыдем!</p> <p>Он понял, что меня не унять.</p> <p>– Хорошо, сэр, – ответил он. – Вы хозяин, а я – работник. Теперь у меня остался на попечении только один ребенок, и, в случае чего, ваши душеприказчики, конечно, окажут помощь моей вдове.</p> <p>Его серьезность поразила меня.</p> <p>– Мистер Гойльс, – сказал я, – будьте со мной откровенны: бывает ли на свете такая погода, при которой мы могли бы вылезти из этой противной ямы?</p> <p>– Видите ли, сэр, если бы мы очутились в море, все пошло бы как по маслу; но дело в том, что выйти из гавани на этой скорлупе – дело не шуточное.</p> <p>Разговор окончился трогательным обещанием шкипера «следить за погодой, как мать за спящим младенцем». В следующий раз я увидел его в полдень: он следил за погодой из окна «Цепи и якоря».</p> <p>В пять часов того же дня счастье мне слегка улыбнулось: я встретил на улице двух товарищей, которые остановились на время в Гарвиче, так как на их яхте поломался руль. Наша история не удивила; а рассмешила их: мы забежали за Этельбертой в гостиницу и</p>	<p>Я поинтересовался:</p> <p>– А какой вам нужен ветер? Капитан Гойлиз почесал в затылке.</p> <p>– На этой неделе, – продолжал я, – дул норд, зюйд, ост и вест во всех сочетаниях. Если на розе ветров имеется еще какой-нибудь ветер, то не стесняйтесь и скажите мне, я готов подождать. Если же такового нет и наш якорь еще не прирос ко дну, то давайте сегодня же его поднимем и посмотрим, чем это кончится.</p> <p>Он понял, что на этот раз я от него не отстану.</p> <p>– Есть, сэр! – сказал он. – Дело хозяйское, мне что скажут, то я и делаю. У меня, слава Богу, лишь один несовершеннолетний сын. Надеюсь, ваши наследники уж что-нибудь сделают для бедной вдовы.</p> <p>Его похоронная торжественность произвела впечатление.</p> <p>– М-р Гойлиз, – сказал я, – вы можете быть со мной откровенны. Могу ли я надеяться, что наступит такая погода, когда мы сможем выбраться из этой чертовой дыры?</p> <p>Капитан Гойлиз вновь повеселел.</p> <p>– Видите ли, сэр, – сказал он, – это берег хитрый! Если нам удастся выйти в море, то все пойдет как по маслу, но отчалить в такой скорлупке, как наша, – это доложу я вам, сэр, работенка не из легких.</p> <p>Я расстался с капитаном Гойлизом, взяв с него слово не спускать глаз с погоды, как мать со спящего младенца, это сравнение принадлежит лично ему, и меня оно расстрогало. В двенадцать часов я увидел его еще раз – он занимался метеорологическими наблюдениями, выглядывая из окна трактира «Якоря и цепи».</p>	<p>– Я вот что имею в виду, – продолжил я. – Может ли он передвигаться вообще, или он здесь на вечном приколе? Если на вечном приколе, скажите мне прямо. Тогда мы возьмем немного плюща в горшках, пустим его по иллюминаторам, посадим немножко цветов, а на палубе поставим навес, чтобы стало уютней. Если, с другой стороны, он может передвигаться...</p> <p>– Передвигаться! – перебил капитан Гойлз. – Дайте мне нормальный ветер...</p> <p>– А что значит «нормальный ветер»?</p> <p>Капитан Гойлз озадачился.</p> <p>– За эту неделю, – продолжил я, – у нас был ветер и с севера, и с юга, и с востока, и с запада, во всех сочетаниях. Если на компасе имеется еще какая-нибудь часть света, откуда он может подуть, так и скажите, я буду ждать. Если нет, а якорь не врос в океанское дно, мы сегодня же его поднимаем и смотрим что будет.</p> <p>До него дошло, что шутить я не собираюсь.</p> <p>– Ну что ж, сэр, – сказал он, – вы хозяин, я работник. У меня, слава Богу, лишь один несовершеннолетний ребенок. Ваши душеприказчики, надо думать, обойдутся со старухой как полагается.</p> <p>Его серьезность потрясла меня.</p> <p>– Господин Гойлз, – сказал я. – Будьте со мной откровенны. Есть ли надежда, что наступит такая погода, когда мы сможем убраться из этой проклятой дыры?</p> <p>К капитану Гойлзу возвратилось сердечное благодушие.</p> <p>– Понимаете, сэр, – сообщил он. – Берег-то весьма хитрый. Если мы выйдем, все пойдет как по маслу, но вот только выйти на такой скорлупке, как эта... В</p>
---	---	--

<p>вчетвером прокрались на наше судно. Мистер Гойльс все еще следил за погодой из окна ближайшего кабака. Застав на месте только юнгу, мы были очень довольны; товарищи взяли на себя управление яхтой, и через час мы уже весело неслись вдоль берега. На ночь остановились в Альдборо, а на следующий день добрались до Ярмута. Здесь надо было расстаться с товарищами и закончить «плавание». Все запасы мы распродали на берегу с аукциона; это было не особенно выгодно, но зато капитану Гойльсу ничего не досталось.</p> <p>Я оставил «Головореза» на попечение местного моряка, который за пару соверенов взялся перегнать его обратно. Мы вернулись в Лондон по железной дороге.</p> <p>Может быть, и бывают яхты не такие, как «Головорез», и шкиперы не такие, как мистер Гойльс, но уникальный собственный опыт восстановил меня против тех и других</p>	<p>Но в пять вечера того же дня мне неожиданно улыбнулась удача: на главной улице я встретил двух своих приятелей-яхтсменов; у них полетел руль, и пришлось зайти в Хардвидж. Моя печальная история их не столько огорчила, сколько обрадовала.</p> <p>Капитан Гойлиз с командой все еще следили за погодой. Я помчался в «Голову короля» за Этельбертой. Вчетвером мы прокрались в гавань, где стояла наша посудина. На борту, кроме юнги, никого не было; мои приятели встали по местам, и в шесть часов вечера мы уже весело мчались вдоль берега.</p> <p>Переночевали мы в Олдборо, а на следующий день были уже у Ярмуте. Тут нам пришлось расстаться: им надо было ехать – и я решил отказаться от яхты. Ранним утром на пляже мы пустили с молотка всю провизию. Я понес убытки, но мысль, что удалось насолить капитану Гойлизу, утешала. Я оставил «Гончую» на попечение какого-то местного морехода, который взялся за пару соверенов доставить ее в Хардвидж. Кто знает, может, и бывают яхты не такие, как «Гончая», может, и встречаются шкиперы, не похожие на мистера Гойлиза, но тот печальный опыт породил у меня стойкое отвращение как к первым, так и к последним.</p>	<p>общем, сэр, если быть откровенным... Это дело не шуточное.</p> <p>Я покинул капитана Гойлза, получив заверения, что он будет следить за погодой как мать следит за спящим младенцем (это было его собственное сравнение, я был им весьма тронут). В двенадцать я увидел его опять: он следил за погодой из окна пивной «Якорь и Цепь».</p> <p>Этим вечером, в пять часов, мне улыбнулась удача. На Хай-стрит я встретил двух товарищей-яхтсменов, которым пришлось зайти в Харидж – у них повело руль. Я поведал им свою историю, которая их больше развеселила, чем удивила. Капитан Гойлз и двое других работников по-прежнему вели наблюдение за погодой. Я помчался в «Голову Короля» и привел Этельберту в готовность. Вчетвером мы тихонько прокрались на набережную, где нашли нашу шлюпку. На борту находился только юнга; двое моих приятелей взяли яхту под свое начальство, и к шести часам мы весело шли под ветром вдоль берега.</p> <p>На ночь мы стали под Олдборо, а на следующий день дошли до Ярмута, где (моим друзьям нужно было ехать) я решил яхту бросить. Провиант мы распродали на берегу, рано утром, с аукциона. Я понес убыток, но «сделав» капитана Гойлза, получил удовлетворение. «Бродягу» я оставил на попечение местного морехода, который, за пару соверенов, взялся доставить ее обратно в Харидж. В Лондон мы вернулись на поезде. Наверно, бывают и не такие яхты как «Бродяга», и не такие шкиперы как капитан Гойлз. Но этот случай предубедил меня против того и другого.</p>
---	--	---